

IV. ФОНОТЕКИ

ФОНОТЕКА ЛАБОРАТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ

1. ЗВУКОЗАПИСИ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фонотека представляет собой систематизированный подбор таких звукозаписей—«фонограмм», звучание которых непосредственно воспроизводится на соответствующих аппаратах¹. Сюда относятся, например, записи на валиках фонографа, на грамофонных пластинках, на ленте звукового кино, на магнитофонной пленке и т. д.

Комплектование звукозаписей является одной из форм современной организации фондов научных материалов; особенно широкое применение это находит в области лингвистических исследований.

Расширение аспектов языкознания, а также значительное развитие технических средств звукозаписи, наблюдаемое за последние два десятилетия, повлекло за собой более глубокое, чем прежде, внедрение в практику изучения языка инструментальных методов записи и анализа устной речи. Звукозапись становится главным средством при сборе материалов, когда основным источником для исследования должен служить не письменный текст, рукопись или книга, а речь в устах ее носителя, живое произношение.

Звукозапись обеспечивает фиксацию фонетической стороны речи близко к ее натуральному состоянию — отражает тонкие оттенки тембра гласных и согласных, их

¹ В фонотеку не входят фиксации звука, не приспособленные для такого воспроизведения. Здесь имеются в виду результаты записей на анализирующих устройствах, где звуковой процесс отражается в видимом образе: на спектрограмме, осциллограмме, кимограмме и т. д.

длительность и силу, ритмо-метрическую структуру слова и фразы, качество интонации, а эта задача в целом недоступна самым совершенным методам стенографии. По сравнению с последними преимущество звукозаписи выступает и при фиксации явлений морфологии, синтаксиса, лексики: она позволяет создавать неограниченные по объему звучащие тексты с большой быстротой и максимальной достоверностью. Полученные фонограммы можно многократно воспроизводить для прослушивания, причем повторяемые отрезки могут быть любой величины — от целых периодов, фраз и синтагм до отдельных слов, а с помощью сегментирующего устройства — до отдельных слогов, звуков и даже их частей (сегментов гласных или согласных).

Повторное воспроизведение частей фонограмм необходимо и при некоторых видах инструментального анализа звуков речи, когда требуется абсолютно идентичное повторение звучащего отрезка — задание, не выполнимое для самого говорящего человека.

Возможность многократного воспроизведения фонограммы облегчает ее фиксацию в письменном виде, например, для публикации текста; кроме того, создание достаточно обширных письменных текстов необходимо для статистической обработки научных данных. Такие технические приемы, как повторение небольших отрезков фонограммы, замедленное, а иногда и обратное ее воспроизведение, способствуют получению письменного текста с применением фонетической транскрипции с любой степенью детализации.

Независимо от названных здесь способов использования фонограммы, необходимых при некоторых специальных видах научной обработки звучащего текста, самодевялюющее значение остается за простым прослушиванием звукозаписей, которое вводит непосредственно в атмосферу речевого процесса и может служить для многосторонних целей.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ФОНОТЕКИ

Согласно проблематике московских лингвистических институтов Академии наук СССР план развития фонотеки² строится в аспекте частного и общего языкознания.

² Лаборатория ИРЯ АН СССР является технической и методи-

Тем не менее содержание ряда фонограмм может представить значительный интерес не только для лингвистов, но и для исследователей в области краеведения, фольклора, этнографии, истории, социологии и ряда других дисциплин.

Если техника изготовления и хранения фонограмм в дальнейшем будет усовершенствована³, ценность этого научного источника как своеобразного памятника эпохи со временем возрастет еще больше.

Основной состав фонотеки образуют фонограммы живой речи — образцы русского языка и его диалектов, а также языков и диалектов народов Советского Союза и ряда зарубежных стран.

Общие принципы организации фонотеки согласуются с установками Международной ассоциации фонограмм-архивов.

Подбор материалов для фонотеки определяется лингвистической направленностью всей ее деятельности. Эта направленность требует разработок новых методов собирания материала и составления коллекций образцов речи. В дальнейшем предполагается издание некоторых фонограмм в виде комплектов грампластинок, подобранных на определенные темы как «звучащие хрестоматии», различные по содержанию и полноте охвата материала. Такие издания могут быть использованы в качестве учебных пособий, в качестве иллюстраций к научным публикациям, а также как первичный материал для различных исследований.

С течением времени неизмеримо возрастет еще одно значение фонотеки, которая призвана функционировать

ческой базой по инструментальной записи и анализу речи, обслуживающей также Институт языкознания АН СССР и, по мере необходимости, Институт славяноведения и другие институты АН СССР, где разрабатываются лингвистические проблемы. Кроме методической работы по экспериментальной фонетике, группа языковедов лаборатории ведет самостоятельные исследования в области русской диалектологии.

³ Проблема «вечного» или хотя бы длительного хранения фонограмм еще не решена. Такие мероприятия, как «перезапись», т. е. периодическое копирование магнитофонных записей с целью продления их жизни, периодическая перемотка магнитофонной ленты как борьба с так называемым копирэффектом, мало эффективны. Перевод записей на металлические клише в массовом порядке при существующей технике считается нерентабельным.

как сосредоточение материалов, представляющих хронологические ступени развития языков и диалектов.

В соответствии с расширением задач фонотеки в ней находят место записи речи в пределах более широкой программы, такие, которые могут носить мемориальный или иной характер. Сюда относятся фонограммы выступлений отдельных ученых, авторского чтения писателей, выступлений артистов, запись текстов фольклорного содержания в подлинном исполнении и т. п., что в конечном итоге уже сейчас или со временем может быть использовано для различных научных целей, в том числе и для собственно лингвистических исследований.

Известное значение приобретает фонотека как место хранения «контрольных записей» — фонограмм, сопутствующих некоторым видам экспериментов и служащих для проверки последних. Так подтверждаются результаты изучения речевой артикуляции, например, рентгенографии, палатографии, киносъемки артикуляции губ и т. д. Сюда относится и другая категория фонограмм — звукозапись, которая послужила материалом для проведения инструментального анализа звука при получении осциллограмм, спектрограмм и т. д. В конечном итоге в качестве «контрольной» может рассматриваться каждая фонограмма, использованная при научных обобщениях.

3. СОСТАВ ФОНОТЕКИ

В фонотеке представлены главным образом магнитофонные записи — около 1000 номеров хранения (на 1 января 1966 г.), что соответствует примерно воспроизведению звука в течение 350 часов.

В конце 1965 г. из архивов профессора Н. М. Каринского и доцента Е. А. Комшиловой в фонотеку поступило еще собрание звукозаписей, сделанных на фонографе системы Эдисона, всего 180 восковых валиков с фонограммами русской диалектной речи. Работа с фонографом проводилась в экспедициях под руководством Н. М. Каринского (в 1929—1933 гг.) и Е. А. Комшиловой (в 1938—1940 и 1948—1955 гг.).

В основу фонотеки легли магнитофонные записи, начатые с 1949 г. сотрудниками Института русского языка в диалектологических экспедициях (Л. П. Жуковской) и в стационарных условиях (С. С. Высотским).

В Москве стационарные записи проводились на студийном магнитофоне 1-го класса, обеспечивавшем получение фонограмм высокого качества, что позволяло подвергать их анализу для некоторых экспериментально-фонетических исследований.

В дальнейшем, при содействии лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР, в задачи которой входила пропаганда новых методов звукозаписи, лингвисты московского Института русского языка и Института языкознания, а также ленинградских отделений этих институтов получили в свое распоряжение достаточное количество улучшенных портативных магнитофонов. Фонограммы, сделанные в экспедиционных условиях, стали вполне удовлетворительными для использования их при некоторых видах инструментального анализа.

В фонотеку стало поступать большое количество записей, полученных во время командировок и экспедиций по сбору материалов для составления русского диалектологического атласа (записи Ю. С. Азарх, Р. В. Бахтуриной, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой, Е. Г. Буровой, С. С. Высотского, Л. П. Жуковской, Л. Л. Касаткина, Н. А. Липовской, О. Н. Мораховской, М. Н. Преображенской, Н. Н. Пшеничновой, Ю. Г. Сохацкой, Т. Г. Строгановой, В. Н. Тешловой, Т. С. Ходорович), для «Словаря современного русского народного говора д. Деулино Рязанского р. Рязанской обл.» (записи И. А. Оссоветского, Г. А. Бариновой, В. Б. Силиной), для экспериментально-фонетического изучения русских говоров (записи Л. П. Жуковской, М. Н. Преображенской, А. М. Кузнецовой, Р. Ф. Пауфшима, С. С. Высотского), для ряда монографических работ по другим разделам русского языкознания (записи С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой, Л. Л. Касаткина, И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко, Т. Г. Строгановой, О. Н. Мораховской), а также для монографического описания других языков и их диалектов (записи В. С. Расторгуевой и А. А. Керимовой по таджикским диалектам, Ч. Х. Бакаева — по языку курдов Азербайджана и Туркменистана, Д. И. Эдельман — записи язгулямского языка, М. Ф. Файзова — рушанского языка, Л. А. Пирейко — талышского языка, Т. Н. Пахалиной — языков фарси-кабули, сарыкольского и ишкашимского, В. А. Ефимова — языка хазарá, Ю. С. Елисеева — карельского языка, В. И. Лыткина — диалектов коми языка,

Т. И. Тепляшиной — удмуртского и бесермянского языков, Е. И. Коведяевой — диалектов марийского языка, Р. М. Баталовой — коми-пермяцкого языка, А. П. Феоктистова и Г. Н. Ермушкина — диалектов языков мокши и эрзи, Я. Гуя — диалектов мансийского и диалектов хантыйского языков, Л. А. Покровской — гагаузского языка, К. Мусаева — караимского языка, Э. Р. Тенишева — сарыг-югурского, уйгурского и саларского языков, А. А. Дарбеевой — бурят-монгольского языка, Л. Э. Калнынь — по западно-украинским говорам, верхнелужицкому и нижнелужицкому языкам).

Ряду областных и республиканских учебных заведений были переданы копии некоторых магнитофонных записей образцов русских говоров и литературного произношения для использования этих фонограмм главным образом в процессе преподавания современного русского языка и диалектологии, а также для упражнения в фиксации живой речи, в частности — ее транскрибировании при подготовке экспедиционных групп диалектологов.

Рассылка фонограмм стимулирует создание фонотек на местах.

В результате языковеды отдельных периферийных организаций стали в свою очередь присылать в Институт русского языка АН СССР копии наиболее интересных в каком-либо отношении фонограмм, сделанных на местах.

Получение таких звукозаписей оказывает лаборатории большую помощь, так как образцы различных говоров и языков в фонотеке представлены до сих пор еще неравномерно не только в отношении территориального размещения этих говоров и языков, но и в отношении полноты лингвистической характеристики.

Некоторые фонограммы, полученные с мест, имеют особенно большую ценность, так как в них зафиксированы недостаточно изученные, но важные явления, редко встречаемые в речи или известные лишь на небольших или очень отдаленных территориях. Таковы, например, записи В. И. Тагуновой, присланные из Муромы, Н. М. Малечи — из Уральска, Л. И. Баранниковой — из Саратова, Е. П. Лупповой и И. А. Попова — из Ленинграда, Е. П. Танской — из Красноярска, К. К. Удовкиной и Т. А. Хмелевской — из Ростова н/Д., Г. А. Турбина и В. Т. Мосиенко — из Челябинска, Д. Т. Лисенковой — из Сыктывкара, Н. И. Тоцкой, Л. Ф. Ципцоры,

В. М. Брахнова — из Киева, В. Ф. Ивановой — из Енисейска, Л. В. Златоустовой — из Казани, Н. Б. Париковой — из Орла, Т. С. Ворошиловой — из Шуи, Л. К. Андреевой — из Перми, Е. И. Тынтуевой — из Иркутска, В. Д. Бондалетова — из Пензы, И. В. Сало — из Петрозаводска, Л. К. Цеплитиса — из Риги, В. А. Маляховского — из Куйбышева.

Магнитофонные записи проводились не только в Советском Союзе, включая труднодоступные местности северных областей и Средней Азии, но и за рубежом — в Германской Демократической Республике, в Монгольской Народной Республике, в Афганистане и трех западных провинциях Китая (откуда получены уникальные фонограммы малоизученных, а в ряде случаев и малоизвестных языков: записи Т. Н. Пахалиной, В. А. Ефимова, Э. Р. Тенишева).

Разнообразные задачи наблюдения живой речи повлекли за собой выработку нескольких основных жанров содержания фонограмм.

Здесь представлены главным образом беседы с диктором на свободную тему, имеющие цель получить звукозапись речи примерно такого характера, как «рассказы о современной и прошлой жизни» и «рассказы краеведческого содержания». Во втором случае имеются в виду сообщения о местных обычаях (сюда примыкает тематика, касающаяся характеристики местного или соседнего говора, своего языка или языка соседей — в оценке самого диктора), о хозяйстве, о производстве, о природе и т. п.; в фонограммах реже встречаются воспроизведения из области художественного фольклора — легендарные предания, сказки, песни, различные обрядовые тексты.

Беседа иногда проводилась с установкой на фиксацию не только монологической речи диктора, где, особенно в больших отрезках текста, порой наблюдаются известные отличия от обычной разговорной формы языка, но и непринужденного диалога, в котором исследователь может сам принимать участие, придавая беседе необходимое направление.

Такие фонограммы нередко содержат достаточное количество ярких моментов, характеризующих основные и второстепенные черты изучаемой речи, но вместе с тем в них может недоставать и много существенного, случайно не оказавшегося в тексте.

Поэтому в беседах с диктором иногда применяется и метод более или менее явного опроса (иногда даже прямого вопроса, если позволяла суть дела), нацеленного на получение конкретных ответов, соответствующих, например, пунктам «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка».

С целью исследования русских говоров были получены достаточно четкие сопоставительные данные, характеризующие сходства или различия этих говоров в отношении некоторых существенных явлений. Для этого в фонограммах из разных мест было зафиксировано чтение одного и того же списка примеров в виде фраз и перечня отдельных слов, а также произношение некоторых слов — в виде ответов на устные вопросы. Этот материал послужил основой для инструментального анализа звуков речи, в частности для выявления «эталонов» различающейся по говорам ритмо-метрической структуры слова (результаты анализа в виде графиков и цифровых данных оформлены в альбомах, хранящихся в лаборатории).

Сходная методика работы с диктором, хотя и варьируемая в зависимости от специфики объекта исследования и местных условий, применялась также при сборе материала для изучения тюркских, финно-угорских, иранских и других языков и говоров.

Работа усложнялась, когда приходилось фиксировать речь носителей младописьменных и бесписьменных языков, не имеющих выработанных норм общенационального языка. Большое значение здесь приобретало накопление сплошных записей речи, даже если автору записи не всегда удавалось вызывать наиболее рациональное направление беседы. Случайность содержания фонограмм в таких случаях нередко компенсировалась их обширным объемом.

4. СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ ФОНОТЕКИ

Для отражения состава фонотеки служат: инвентарная книга фонограмм; картотека по рубрикам «языки»; картотека по рубрикам «говоры восточнославянских языков»; картотека—географический указатель по рубрикам «область (край, республика), район, населенный пункт», к которым относятся фонограммы говоров восточнославян-

ских языков; схематические карты европейской части территории СССР с указанием местностей, к которым относятся эти фонограммы.

Звукозапись на валиках фонографа пока зарегистрирована в отдельном списке, где указан порядковый номер фонограмм и приведены сведения о говоре (его территориальной принадлежности и т. д.), дикторе, дате записи и ее авторе.

а) Инвентарная книга фонограмм отражает хронологию поступления звукозаписей.

В каждой единице хранения — в отдельной фонограмме — содержится звукозапись текста, полученного преимущественно от одного диктора (реже — двух или более), типичного представителя местного говора или языка.

Тексты, полученные от нескольких дикторов из разных местностей, в одну фонограмму не включаются (кроме случаев, когда со специальной целью создается монтаж из нескольких фонограмм, например для использования звукозаписи в качестве учебного пособия).

Таким образом, каждая фонограмма в основном представляет образец только одного языка, говора. Вложенная в отдельную коробку, она в качестве «единицы хранения» помещается в фонотеку в порядке поступления. Фонограммы разделяются на несколько групп, из которых крупнейшие — две: «восточнославянские языки и их говоры» и «прочие языки и их говоры». Внутри этих групп фонограммы подобраны по форматам: к малому формату относятся магнитофонные ленты длиной до 500 м, к большому — от 500 до 1000 м.

Согласно своему назначению магнитофонные записи проводятся со стандартной скоростью движения ленты — 19 см/сек, 38 см/сек, 76 см/сек; с высшей из перечисленных скоростей звукозаписи в основном нужны для некоторых видов инструментального анализа звуков. В первые годы образования фонотеки звукозапись проводилась вообще только при большой скорости движения ленты, чем объясняется наличие в фонотеке значительного количества таких фонограмм. Преобладание низких скоростей появилось лишь в звукозаписях последних лет, когда получили распространение новые виды технических средств — специального качества магнитофонная лента и приспособленные к таким скоростям магнитофоны,

не снижающие при этом качества звукозаписи и звуковоспроизведения.

В инвентарной книге отражен порядок размещения звукозаписей — единиц хранения в фонотеке. В соответствии с этим порядком в книге представлены следующие разделы:

I. «Языки и говоры восточнославянских языков» (шифром *A* отмечены фонограммы малого формата, шифром *B* — большого формата); в этом разделе зарегистрировано около 650 номеров хранения;

II. «Прочие языки и их говоры» (шифром *B* отмечены фонограммы малого формата, шифром *Г* — большого формата); в разделе зарегистрировано около 250 номеров хранения;

III. Специальный материал для анализа на аппаратах; контрольные записи при проведении некоторых экспериментально-фонетических работ (фонограммы отмечены шифром *Д*, особая группа их — шифром *Ж*) — свыше 100 номеров хранения.

IV. Запасные копии с наиболее ценных по содержанию фонограмм, а также копии записей, сделанных 12—15 лет назад, качество которых ухудшилось от длительного хранения или использования (фонограммы отмечены шифром *Е*), — около 30 номеров хранения.

Заголовки и графы инвентарной книги содержат необходимые сведения о каждой из фонограмм; они повторяются на этикетках коробок и на кассетах магнитофонной ленты: шифр и номер фонограммы; название языка, говор какого населенного пункта (с указанием района, области и т. д., в случае необходимости называется тип говора); имя диктора, иначе — информанта, краткие сведения о нем (возраст, уроженец какой местности, образование, род занятий и т. д.; если нужно, указывается национальность); содержание фонограммы в кратком виде, например: «рассказ о местных ремеслах», «чтение отдельных слов—фонетических примеров». По мере необходимости приводятся дополнительные сведения — кто принимал участие в беседе, с какой целью она проводилась. Иногда отмечается, на какое языковое явление следует обратить внимание в данной фонограмме. В стандартной форме приводятся сведения о технической и организационной стороне записи: скорость движения магнитофонной ленты, на каком аппарате, где, когда, в каких

условиях (например, во время экспедиции и т. д.) и кем проведена запись.

б) Картотека, где указывается состав фонограмм по их отнесенности к различным языкам. Названия языков расположены по алфавиту начиная с английского и кончая язгулямским (один из памирских языков).

При составлении данной картотеки принята условность, продиктованная характером состава фонотеки, в которой записи русских говоров занимают очень большое место.

Под рубрикой с названием языка (кроме восточнославянских!) помещаются фонограммы не только литературной (или общенациональной) формы данного языка, но и фонограммы его говоров. Это вызвано не только отсутствием или малочисленностью диалектных фонограмм под рубриками некоторых языков: для многих младописьменных, а тем более бесписьменных языков разделение фонограмм по их отношению к литературной или диалектной речи провести невозможно, да и постановка такого вопроса в известных случаях неправомерна.

В противоположность сказанному, под рубриками «русский язык», «украинский язык», «белорусский язык» помещены лишь фонограммы литературного произношения, поскольку соответственный диалектный материал (в основном представляющий русские говоры) выделен в специальную картотеку.

В рубрике «русский язык» выделены подрубрики «русский язык со следами диалектного произношения» и «русский язык со следами иноязычного произношения», поскольку в диалектологической картотеке этим рубрикам не находится места: относящиеся к ним фонограммы не представляют комплекса признаков, который можно было бы четко квалифицировать в плане лингвистической географии и типологии русских говоров.

Карточка, соответствующая отдельной фонограмме, в данной картотеке содержит такие сведения: название языка, населенного пункта (с указанием района, области, республики и т. д.), имя диктора, сведения о нем, краткое содержание фонограммы, дополнительные сведения о ней. Далее приводятся шифр и номер фонограммы, а также данные о технике записи, где, когда, в каких условиях и кем она проведена.

в) В картотеке «говоры восточнославянских языков»

преобладает материал русских говоров. Фонограммы группируются по трем основным подразделениям: «севернорусские», «среднерусские» и «южнорусские» говоры. Эти группы пока определены согласно данным традиционной русской диалектологии.

В карточке указано, к какой группе говоров относится фонограмма, содержатся данные географического характера — название области (республики), района, населенного пункта, откуда получен образец говора. Далее следуют сведения о дикторе, содержании фонограммы, технических условиях, месте, дате и авторе записи. Заключают карточку шифр и номер фонограммы.

г) Картотека—географический указатель к фонограммам русских говоров является не только подсобной для предыдущей картотеки, но имеет и самостоятельное значение, поскольку служит для бесспорной локализации фонограмм. Рубрики картотеки представляют собой алфавитный перечень областей (республик).

Вопросы классификации русских говоров еще не получили окончательной разработки, поэтому значение типологической картотеки несколько условно. Картотека—географический указатель обладает более устойчивым основанием. В конечном итоге она помогает разбираться в изменениях, которые возможны в типологической картотеке, особенно в тех случаях, когда изучаемый говор представляет черты промежуточного характера, комплекс признаков, выходящий за рамки обычного представления об основных подразделениях русских говоров.

В основной графе каждой карточки помещаются географические сведения начиная с названия области (республики), затем следует название района и населенного пункта. Остальные графы карточки содержат те же сведения, что и в предыдущих картотеках.

д) Карты. 1) Схематическая карта Европейской части территории СССР с указанием местностей, к которым относятся фонограммы говоров восточнославянских языков. Она сделана с наложением на диалектологическую карту с новыми данными лингвистической географии, представленными в «Русской диалектологии» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (М., 1964).

2) Карта, на которой показано размещение пунктов, откуда происходят фонограммы, на той же территории, с обозначением границ областей и республик.

Сопоставление материала картотек и двух карт позволяет ориентироваться в соотношениях прежней и новой классификации русских говоров.

Фонограммы говоров восточнославянских языков представлены в подавляющем большинстве записями русских говоров Европейской части территории СССР, что и послужило основанием для показа на карте именно этой зоны. Небольшое количество пунктов—источников звукозаписей, расположенных на более удаленных территориях, условно показывается за рамкой карты.

Карты территориальной отнесенности фонограмм позволяют планировать пополнение фонотеки, с тем чтобы ее состав по возможности равномернее отражал говоры разных типов.

В целях усовершенствования справочного аппарата начата подготовка к созданию предметной картотеки. Она должна сгруппировать сведения по рубрикам некоторых существенных языковых явлений, которые встречаются в различных фонограммах.

5. СОДЕРЖАНИЕ ФОНОГРАММ

Фонотека пока еще не представляет законченного в каком-либо отношении и целостного по содержанию собрания записей, но структура ее рассчитана на достижение этой цели. Уже сейчас в подборе фонограмм осуществляется планомерное комплектование по ряду направлений. Характеризуем главные из них:

1) Собрание образцов записи языков различных групп с конечной целью представить языки каждой группы по возможности полно и равномерно (о восточнославянских языках см. направления 2 и 3).

Часть текста, иллюстрирующего основные черты языков, должна быть построена по стандартной программе для более четкого сопоставления языков той или иной группы по их общим и различающимся чертам (например, в общую программу получения такого текста может входить: счет от 1 до 20 или больше, образец спряжения глагола, перечень слов—названий родства и т. п.).

Работа в этом направлении начата при содействии Сектора иранских языков Института языкознания АН СССР. В течение ряда лет фонотека систематически пополняется стационарными и экспедиционными запи-

сями образцов речи представителей этой языковой семьи. В фонограммах зафиксированы языки: таджикский, язгулямский, ишкашимский, рушанский, орошорский, курдский, талышский, осетинский (дигорский и иронский диалекты); из числа зарубежных: персидский, гилянский, хазарá, фарси-кабули, сарыкольский.

Сравнительно большими текстами представлены пока лишь некоторые из этих языков, в первую очередь таджикский, ишкашимский, талышский, персидский, гилянский, хазарá.

Фонограммы языков иранской группы использованы в ряде работ, например: В. С. Р а с т о р г у е в а. Очерки по таджикской диалектологии, I—V. М., 1952—1963; А. А. К е р и м о в а. Говоры таджиков Бухары. М., 1959; Ч. Х. Б а к а е в. Язык азербайджанских курдов. М., 1965; Т. Н. П а х а л и н а. Ишкашимский язык. М., 1959. О н а ж е. Сарыкольско-русский словарь. М., 1966; Д. И. Э д е л ь м а н. Глагольная система язгулямского языка. — «Иранский сборник». М., 1963; О н а ж е. Язгулямско-русский словарь. М., 1966; В. А. Е ф и м о в. Язык афганских хазарá. М., 1965; Л. А. П и р е й к о. Талышский язык. В сб. «Языки народов СССР», т. I. М., 1966; О н а ж е. Талышско-русский словарь. М., 1966; «Гилянский язык» (коллектив авторов — сотрудников Сектора иранских языков ИЯ АН СССР). М., 1966.

Значительное количество фонограмм получено от представителей турецкой, а также финно-угорской семьи языков, хотя и менее равномерно по отношению к отдельным языкам этих групп и их говорам. Наиболее обширные звукозаписи здесь относятся к языкам гагаузскому, каримскому, саларскому — из числа турецких; удмуртскому, марийскому, мордовскому (мокша и эрзя) — из числа финно-угорских.

Материал этих записей использован в качестве одного из источников для многих исследований, например: В. И. Л ы т к и н. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964; В. И. Л ы т к и н и Т. И. Т е п л я ш и н а. Раздел фонетики в кн. «Грамматика современного удмуртского языка». Ижевск, 1962; Т. И. Т е п л я ш и н а. Проблема языка бесермян. М., 1966; А. П. Ф е о к т и с т о в. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963; Е. И. К о в е д я е в а. Марийский язык. Тексты. В сб. «Вопросы финно-

угорского языкознания», вып. 1, М., 1962; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; Э. Р. Тенишев. Саларские тексты. М., 1964; К. М. Мусеев. Грамматика караимского языка. М., 1964.

Записи бурятского и других языков использованы в работе: А. А. Дарбеева. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят. «Труды БК НИИ Сиб. отд. АН СССР», т. II. Улан-Удэ, 1959; записи нижнелужицкого языка использованы в монографии: Л. Э. Калнынь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1966.

К этой категории фонограмм можно отнести образцы многих других языков, представленных более или менее значительными текстами, а иногда лишь в виде небольшой записи отдельного языкового явления. Так, фонограмма китайского языка содержит лишь несколько десятков слов, демонстрирующих различные виды музыкального ударения. Эта звукозапись рассчитана на использование при подготовке языковедов к оценке фактов живой речи, в частности к анализу интонации различных языков.

Таким образом, в фонотеке с различной полнотой представлены следующие языки (в том числе и русский, фонограммы которого занимают преобладающее место):

английский, баскский, белорусский, бесермянский (в Удмуртской АССР), болгарский (в Болгарии и на Украине), бурятский, венгерский, верхнелужицкий (в ГДР), гагаузский (в Молдавии), гилянский (в Северном Иране), грузинский, гунзибский (в Дагестане), исландский, ишкашимский (на Памире), калмыцкий, караимский (в Литве), карельский (в Калининской обл. и в Карельской АССР), китайский (в Пекине), коми, коми-пермяцкий, кумыкский (в Дагестане), курдский (в Азербайджане и в Туркменистане), латышский, лезгинский (в Дагестане), литовский, мансийский, марийский, молдавский, мордовский-мокша, мордовский-эрзя, немецкий, нижнелужицкий (в ГДР), осетинский — дигорский диалект, осетинский — иронский диалект, орошорский (на Памире), рушанский (на Памире), персидский, польский, португальский (в Португалии), португальский — бразильский диалект, румынский, русский (см. разделы 2 и 3), саларский (в Западном Китае), сарыг-югурский (в Западном Китае), сарыкольский (в Западном Китае), сербский,

словинский, таджикский, талышский (в Азербайджане), тувинский, турецкий, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский (в Западном Китае), украинский, фарси-кабули (в Афганистане), финский, французский, хазарá (в Афганистане), хантыйский, чешский, чувашский, шведский, эстонский, язгулямский (на Памире).

2) Копирование на магнитофонную ленту для фонотеки учебных курсов языков, изданных в граммпзаписи.

В фонотеке сейчас имеются магнитофонные записи уроков английского, португальского, французского, шведского языков, а также копия звукозаписи курса орфоэпии русского языка И. П. Козляниновой «Современное литературное произношение» (изд. Всесоюзного театрального общества. М., 1963).

3) Собираание фонограмм восточнославянских языков, в основном русского языка, по разделам «литературный язык» и «говоры».

Фонограммы русской литературной речи в фонотеке занимают небольшое место, так как подбор записи на эту тему ведут Сектор культуры русской речи и Сектор современного русского языка Института русского языка АН СССР. После завершения работ по плановым темам этих секторов соответствующий материал будет передан на хранение в описываемую фонотеку.

В настоящее время в фонотеке имеется несколько образцов «нормального» русского литературного произношения (см. также направление 2) представителей различных поколений и социальных групп (начиная с фонограммы речи Л. Н. Толстого, скопированной с граммпзаписи).

В специальные рубрики выделяются фонограммы русского литературного языка: а) со следами диалектного произношения, б) со следами иноязычного произношения (например, получены записи от дикторов, родным языком которых является немецкий, английский, сербский, коми, грузинский, украинский и др.).

Как сказано выше, в картотеке русских говоров, относимых к определенной местности, образцы литературного произношения с элементами диалектизмов не отражаются, так как этот тип речи не всегда обнаруживает конкретную основу — связь с определенным говором. До некоторой степени вопрос проясняется указанием на происхождение диктора из той или иной местности. Так,

в фонотеке имеются записи литературного языка от дикторов, в разной степени обнаруживающих языковые связи с говорами Рязанской⁴, Калининской, Иркутской, Кировской областей, диалектных зон Московской области и т. д.

К особой группе можно отнести фонограммы «московского городского народного говора», т. е. устной разговорной речи представителей коренного московского населения, которая в известном отношении отличается от речи современного литературного образца.

Фонограммы русского литературного произношения служат источником для выполнения некоторых тем Института. Часть исследований, проведенных сотрудниками Института и другими научными работниками на этом материале в целом или частично, уже опубликованы. Сюда относятся следующие работы: А. М. Кузнецова. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965; Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1963; Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; Она же. Материалы по курсу фонетики и интонации русской речи. М., 1965. Сектор современного русского языка ИРЯ АН СССР подготовил сборник «Развитие фонетики современного русского литературного языка».

Собирание записей по говорам восточнославянских языков — одно из главных направлений развития фонотеки. Как было уже сказано, подавляющее количество фонограмм относится к русским говорам.

Образцы белорусских и украинских говоров собраны пока в небольшом числе. Некоторые из этих фонограмм, небольших по объему, созданы в качестве иллюстраций для сопоставления отдельных малоизученных явлений с аналогичными фактами русских говоров. Так, белорусский материал представляет, в частности, различные типы аффрикатизации смягченных *m* и *d*; примеры некоторых украинских говоров привлечены для демонстрации редких явлений вокализма — северноукраинских дифтонгов разных видов и т. п.

⁴ В числе подобных записей находится фонограмма произношения С. Есенина — копия с грамзаписи.

Фонограммы русских говоров собираются в качестве материала, который одновременно служит для создания диалектологического атласа русского языка и других диалектологических работ. Материал этих записей, более или менее обширных, не исчерпывается в проводимых в настоящее время исследованиях; он остается потенциальным фондом для будущих научных изысканий, тематика которых может быть достаточно разнообразной.

К числу работ, где в различной мере использованы звукозаписи этого раздела, принадлежат следующие: ряд томов диалектологического атласа русского языка; «Экспериментально-фонетическое исследование русских говоров» — монография сотрудников лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР; «Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского р. Рязанской обл.» под ред. И. А. Оссоветского (в печати); П. С. Кузнецов. Русская диалектология. 1-е изд. — М., 1951; 2-е изд. — М., 1954; С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1966; Р. Ф. Пауфощима. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореф. канд. дисс. М., 1965; С. К. Пожарицкая. Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Автореф. канд. дисс. М., 1963; Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах. Автореф. канд. дисс. М., 1965; «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

Фонограммы говоров восточнославянских языков отмечены в соответствующей картотеке под рубриками следующих областей (республик):

Севернорусские говоры: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Горьковская, Ивановская, Иркутская, Калининская, Карельская АССР, Кировская, Коми АССР, Костромская, Куйбышевская, Ленинградская, Марийская АССР, Пермская, Татарская АССР, Ульяновская, Ярославская.

Среднерусские говоры: Западно-Казахстанская, Калининская, Мордовская АССР, Московская, Пензенская, Псковская, Челябинская.

Южнорусские говоры: Бурятская АССР, Волгоградская, Воронежская, Калужская, Краснодарская, Курская, Липецкая, Орловская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Ставропольская, Тамбовская.

Белорусские говоры: Бобруйская, Минская, Могилевская, Смоленская.

Украинские говоры: Винницкая, Ивано-Франковская (Станиславская), Полтавская, Сумская, Черниговская.

Собрание звукозаписей на восковых валиках фонографа, поступившее из архивов Н. М. Каринского и Е. А. Комшиловой, сохраняет значение самостоятельной коллекции фонограмм.

В числе этих фонограмм находятся уникальные записи, сделанные экспедиционной группой профессора Н. М. Каринского в 1929—1932 гг. Они являются своеобразным памятником — единственным дошедшим до нашего времени образцом одного из первых применений фонографа при исследовании русских говоров⁵.

Особый интерес представляют записи говора д. Ванилово Виноградовского р-на Московской обл., положенные в основу работы Н. М. Каринского «Очерки языка русских крестьян» и ряда его статей предшествующего периода, известных как первый опыт внедрения социологического метода в русскую диалектографию. Изучив говор Ванилова еще в 1903 г. (Н. М. Каринский. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — ИОРЯС, т. VIII, кн. 1, 2, 1903), автор имел возможность представить картину развития говора за первую треть XX в.

Данные фонограммы замечательны и тем, что в них зафиксировано малоизвестное в русской диалектологии фонетическое явление — просодическая вариативность гласных (их полифтонгизация) в определенных ритмико-тонационных условиях фразы.

Фонографическая запись, сделанная Е. А. Комшиловой, частично использована ею в ряде работ, например: «Фонографические записи диалектной речи». — «Материалы и исследования по русской диалектологии». Кафедра русского языка МГПИ им. В. И. Ленина, вып. 9.

⁵ Впервые звукозапись с этой целью, к сожалению не сохранившаяся, была проведена Н. М. Каринским еще в 1912 г. См. об этом в его книге «Очерки языка русских крестьян». М., 1936, стр. 10.

М., 1959; «Некоторые наблюдения над говором Верхотурского района Свердловской области». В сб. «Вопросы фонетики, лексики русского языка и методики его преподавания». Пермь, 1964. Словарный материал из фонограмм, записанных Е. А. Компиловой на Урале, включен в коллективный труд «Словарь русских говоров Среднего Урала», под ред. П. А. Вовчок. Свердловск, 1964.

Звукозапись при помощи фонографа (в 1929—1933 гг. организованная Н. М. Каринским, в 1938—1940 гг. и 1948—1955 гг. — Е. А. Компиловой) была проведена в следующих областях:

Архангельская (1952 г.), Владимирская (1948 г.), Горьковская (1949 г.), Калининская (1931 г.), Кировская (1951 г.), Костромская (1954 г.), Ленинградская (1938 г.), Московская (1930, 1932, 1939 гг.), Новгородская (1933 г.), Пермская (1955 г.), Рязанская (1929 г.), Свердловская (1939—1940 гг.), Смоленская (1950, 1952 гг.), Тульская (1948 г.).

4) Подбор образцов звукозаписей в виде хрестоматийных текстов для использования на занятиях по изучению современного языка, его истории, диалектологии, при обучении методам транскрипции, слухового и инструментального анализа речи и т. п. Большинство фонограмм представляет собой более или менее значительные отрезки записи натуральной речи, например образцы орфоэпического произношения или образцы типичных говоров севернорусских, южнорусских и т. д.

В противоположность этому, часть звукозаписей приготовлена в виде монтажа фонограмм. Небольшие отрезки из разных записей здесь группируются по темам, чтобы объект наблюдения был представлен нагляднее, хотя и в искусственно сконцентрированном тексте. Необходимость в этом возникает при изучении некоторых языковых фактов, сравнительно редких в потоке речи. Например, к данной группе относятся фонограммы целых парадигм спряжения, представляющих результат закончившегося процесса стяжения гласных, вследствие чего в морфологии говора возникают известные качественные изменения.

Для изучения диалектного вокализма служат монтажи, а также специально организованные натуральные тексты с особым подбором слов. Можно получить тексты с контрастным сопоставлением монофтонгов и дифтонгов. со-

гласных смягченных перед ударенным *e* на месте **ѣ* и согласных с неполным смягчением перед ударенным *e* иного происхождения. Нужные примеры иногда оказываются в пределах одной фразы и даже в двух соседних словах, что способствует развитию слухового навыка в деле различения тонких фонологических деталей изучаемой языковой системы.

С целью показа физических качеств русских диалектных дифтонгов, иногда плохо различаемых непривычным слухом, эти гласные демонстрируются в сравнении с диалектными монофтонгами и дифтонгоидами русского литературного произношения, а также в ряду дифтонгов разного вида — молдавского, карельского, литовского и латышского языков.

Для ознакомления с некоторыми вопросами интонации могут служить монтажи образцов фонограмм китайских музыкальных тонов, образцов сербской, литовской, латышской слоговой интонации и т. д.

Всестороннее акустическое изучение звуков речи требует использования методов не только их анализа, но и синтеза. Последний метод, в силу его технической сложности, в лаборатории Института русского языка АН СССР не применяется, как и во многих других фонетических лабораториях обычного типа, где проводятся лингвистические исследования. В фонотеке имеется редкий образец синтезированного звука, копия с грамзаписи эксперимента, проведенного в лаборатории Bell Telephone, США. Фонограмма вполне натурально представляет мужской голос — английскую речь литературного, затем диалектного типа и пение со словами под аккомпанемент гитары, причем и музыкальное сопровождение создано при помощи синтеза звуков. Эту звукозапись можно демонстрировать при изучении вопросов, связанных с понятием спектрального состава звуков речи.

5) Подбор фонограмм, в которых представлены особенно интересные в каком-либо отношении, оригинальные, редко встречаемые, малоизвестные или неизвестные языковые черты, в том числе и единично зафиксированные.

Нередко языковые черты такой категории попадают в звукозапись случайно, но иногда их наличие в тексте зависит от большой подготовительной работы, связанной с организацией звукозаписи в определенной местности

и специальным отбором дикторов. Порою случайная фиксация какой-либо оригинальной языковой черты служит сигналом для ее последующего подробного рассмотрения, поскольку здесь может оказаться нарождающийся или, наоборот, исчезающий элемент языковой системы, который должен быть квалифицирован надлежащим образом.

В принципе этот раздел готов принять фонограммы различных языков, но работа пока начата на основе материалов русской диалектологии. В отношении русских говоров можно сказать, что их массовое обследование за последние десятилетия, связанное с созданием диалектологических атласов, вскрыло много существенных деталей, которые прежде совсем или почти не учитывались в традиционной диалектологии.

Немало нового в этой области найдено и в результате применения инструментальных методов изучения звуков речи.

Материал данного раздела довольно разрознен по своему характеру, что не дает оснований включить его в предыдущий раздел фонограмм хрестоматийного типа, т. е. подобранных по конкретным темам.

В качестве примеров можно перечислить ряд таких фиксаций отдельных языковых явлений, относимых к настоящему разделу.

В области вокализма

а) Некоторые переходные (от оканья к аканью) типы предударного вокализма, впервые обнаруженные при работе по составлению атласов русских говоров, например «полновский тип», «гдовский тип» в говорах Псковской обл.

б) Явления при просодическом растяжении дифтонов *yo*, *ie*, в частности их особая деформация при пении, в южнорусском говоре Калужской обл.

в) Фонограммы «ляпанья», расширяющие представление об этой диалектной черте. «Ляпанье», известное прежде в качестве специфического явления заонежских говоров и определяемое как «перенос ударения в слове с конечного слога на первый», теперь, очевидно, может быть понято несколько иначе, а именно как частное проявление общей тенденции, свойственной не только некоторым говорам олонечкой, но и архангельской груп-

пы, — помещать более или менее ясно синтагменное ударение на начальный слог синтагмы.

г) Типы неоднородных гласных при «ляпанье». В частности, гласный *ō̃* получает трактовку в качестве самостоятельной фонемы; параллельное образование *ē̃* в этих же говорах фонологической самостоятельности не обнаруживает, являясь лишь вариацией фонемы *a* под ударением после мягкого согласного.

д) Примеры нисходящих дифтонгоидов *õ*, *ẽ* как образование, вызванное падением напряженности ударенных гласных *o*, *e* в фазах рекурсии; параллельные явления встречаются в литовском языке при сильно-начальном («нисходящем») ударении как динамический признак, очевидно, более стабильный в системе современной литовской слоговой интонации, чем ее музыкальный компонент.

е) Примеры гласного *o* (т. е. «открытого *o*») в составе пятифонемного вокализма — *a*, *e*, *u*, *o*, *y* — в ряде рязанских и других говоров. Прежде наличие гласного *o* иногда ошибочно принималось как свидетельство существования в говоре семифонемного вокализма — *a*, *e*, *ē*, *u*, *o*, *ō*, *y*, хотя *ō* (т. е. «закрытое *o*») при этом и не обнаруживалось.

В области консонантизма

а) Апикальные или какуминальные переднеязычные на месте *t*, *d*, *n*. Спорадическое распространение (наличие) этого типа согласных обнаружено в отдельных севернорусских говорах и генетически близких к ним среднерусских. Наличие согласных такого образования не только в Западно-Казахстанской обл., где они сперва были найдены, но также и в Ивановской и других областях опровергло первоначальное предположение, что эта черта возникла под влиянием казахского языка.

б) Примеры среднеязычных согласных, которым в литературном языке соответствуют смягченные переднеязычные. Такие среднеязычные согласные обнаружены в говорах разных типов, причем к этой категории по говорам относятся неодинаковые группы, например *t*˘, *d*˘, *n*˘, *l*˘ или только *n*˘, *l*˘ и т. д. Значит, наличие в консонантизме таких среднеязычных не связано с качеством других согласных в этой же фонетической си-

стеме, т. е. присутствие *н*“, *л*“ не обязательно влетает за собой образования типа *с*“, *з*“.

в) Взрывной звонкий согласный на месте *ј*. Такое образование в одних говорах представлено среднеязычным *з*“, в других — согласным, близким к образованию *д*“. Это явление встречается, очевидно, лишь спорадически, и не только в говорах, территориально близких к говорам карел или вепсов (в литературе было указание на такое ограничение). В фонограммах взрывной среднеязычный, соответствующий согласному *ј*, зафиксирован в севернорусских говорах Заонежья и в южнорусских говорах Рязанской обл. и других местностей. Данное явление отмечено также в среднерусских говорах на востоке Московской обл.

г) Фонограммы некоторых севернорусских говоров с сохранением звонкости согласных в положениях, где в литературном произношении они оглушаются. Очевидно, в восточнославянских языках существуют два вида сохранения звонкости согласных: в виде неполнозвонких (с оглушением в их рекурсии), что известно в украинском языке и белорусских говорах, и в виде полнозвонких (без оглушения в их рекурсии, как во французском языке). Последнее обычно наблюдается в некоторых севернорусских говорах. В ряде говоров при этом после конечного звонкого согласного отмечается гласный неполного образования, образующий более или менее заметный побочный слог.

д) Ослабленные интервокальные глухие согласные. Это произношение, отмеченное в говорах Калининской обл., производит впечатление полувонкости согласных; вероятно, данное явление генетически связано с фонетикой говоров карел или вепсов.

е) Смычный гортанный согласный на месте *к* и *к'*. Такое произношение отражено в фонограммах, полученных только из одного населенного пункта Заонежья от нескольких дикторов и с неодинаковой последовательностью. Происхождение этой черты, отсутствующей в близлежащих говорах западнофинских языков, не выяснено.

ж) Небольшая степень тембрального повышения гласных и согласных как результат прогрессивной ассимиляции по мягкости в пределах слова (имеются в виду позиции типа *ба́нка* и *ба́нька*, *ста́нка* и *ко́нька*, где конечные

слоги каждой пары по говорам могут различаться, хотя и не так значительно, как в говорах с максимальным проявлением той же тенденции в виде *ба́нка* и *ба́нька* и т. д.).

В области структуры слога

а) Имплозивное образование взрывных согласных в конце слога. Это малоизвестное в русской диалектологии явление было уже давно отмечено в качестве некоторой тенденции такого произношения в кировских говорах. Кроме говоров Кировской обл., теперь данная черта зарегистрирована еще в отдельных говорах Архангельской обл.

б) Подчеркнуто эксплозивное образование согласных в конце слога. По сравнению с предыдущим явлением, здесь осуществляется тенденция противоположного характера. По говорам, независимо от того, оглушается или не оглушается конечный звонкий согласный, эксплозия сопровождается звонким гласным пазвуком, образующим побочный слог. Последний в определенных ритмо-интонационных условиях фразы факультативно развивается в некоторых говорах до слога полного образования. Таким образом, в ряде говоров (в Рязанской, Московской, Тамбовской областях) слова, заканчивающиеся согласным, могут представлять просодическую вариацию, которая уже меняет фонематический состав слова добавлением конечного безударного гласного, фонетически не отличающегося от позиционных изменений фонемы *a*. В ряде случаев это вызывает известные коллизии с морфологической точкой зрения; так, в примерах *мать думалá* и *отец думалá* словоформы глагола могут совпадать.

б) Подбор наиболее существенных контрольных звукозаписей, сделанных в стационарных и экспедиционных условиях, в том числе — фонограмм, являющихся исходным материалом для инструментального анализа речи. В фонотеке собраны, например, такие фонограммы:

а) Первичная звукозапись, послужившая материалом для спектральных характеристик вокализма и частично консонантизма основных подразделений русских говоров.

б) Звукозапись, с которой снимались осциллограммы с целью получения характеристик различных типов струк-

туры слога, различных категорий согласных в отношении способа их образования и фонологических противопоставлений по «звонкости—глухости» и «твердости—мягкости».

в) Звукозапись, послужившая основой для слухового и инструментального анализа гласных с целью изучения их сегментарной структуры при помощи особого вида сепаратора (магнитофонного устройства с вращающейся головкой, репродуцирующей звук), спектрометра и вольтметра.

Результаты слухового анализа гласных основных подразделений русских говоров представлены в специальном альбоме графиков, отражающих диалектное разнообразие монофтонгов и неоднородных гласных в отношении их сегментарной структуры, зависимость последней от позиции гласного в слове. Сегменты гласных характеризуются по тембру, длительности и интенсивности.

г) Звукозапись, которая анализировалась на кимографе при помощи электроакустического рекордера. Этот облегченный вид анализа позволяет собрать массовый материал, удобный для статистической обработки ряда элементарных данных, касающихся гласных и согласных в структуре слова.

Результаты анализа сгруппированы в альбоме графиков, показывающих характерные различия основных подразделений русских говоров в отношении свойственных им типов ритмо-метрической структуры слова. Последняя здесь условно отражена лишь в аспектах позиционной длительности и интенсивности гласных, а также их относительного размещения в континууме фонетического слова⁶.

Звукозапись, сопровождавшая некоторые работы по анализу артикуляционной стороны речи, носит контрольный характер в прямом смысле этого слова. Сюда относятся:

а) Фонограммы при фотосъемке палатограмм и лингвограмм, позволяющие отобрать наиболее качественные примеры произношения для правильной характеристики изучаемого явления.

⁶ При всей своей приближенности, эти данные более точно отражают ритмо-метрическую структуру слова, чем известная формула А. Потебни, созданная для характеристики литературного произношения (1, 2, 3, 1).

Результаты анализа, проведенные методом «прямого палатографирования» при помощи специального аппарата, оформлены в виде альбомов снимков и чертежей, показывающих диалектные различия в области артикуляции некоторых звуков. Так, в альбомах представлен типологический обзор неодинаковой реализации категории мягких согласных по русским говорам, чем последние могут значительно различаться.

Полученные фонограммы в отдельных случаях послужили материалом для съемки спектра звуков, что было необходимо для комплексной характеристики изучаемой языковой черты.

б) Фонограммы, полученные при статической фотосъемке и киносъемке артикуляции губ анфас и в профиль. Этим способом получены относительные измерения губ для артикуляторов, участвующих в дифференцировании монофтонгов, дифтонгоидов и дифтонгов.

в) Звукозапись при статической съемке рентгенограмм гласных и согласных русских говоров, в которой специальным приспособлением зафиксирован момент фотографирования. Это служило гарантией для отбора снимков с правильным попаданием на характерную фазу континуума звука, чего особенно трудно было добиться при съемке безударных гласных, произносимых с небольшой длительностью. Сообразно с целью исследования неудачными снимками считались те, которые отражали экскурсию или рекурсию изучаемого звука, а не его «ядро».

С полученных рентгенограмм (около 300 снимков) сняты чертежи-схемы, собранные в особом альбоме. При сопоставлении этих схем были сделаны относительные измерения, характеризующие диалектные различия в области артикуляции некоторых гласных и согласных.

г) Звукозапись при съемке кинорентгенограмм. В этой фонограмме, полученной в 1955 г., зафиксирован один из первых опытов применения киносъемки рентгенограмм для анализа русской, в частности диалектной, речи. Из-за сложности эксперимента, не допуская длительного облучения дикторов, программа исследования была сведена до минимума. Все же от пяти дикторов удалось зафиксировать 66 слов: снято 1174 кадра при скорости киносъемки 24 кадра в секунду.

Магнитофонная запись была сделана в неблагоприятных акустических условиях, что лишило возможности

использовать ее для последующего анализа на спектрометре. Однако анализ данной фонограммы на кимографе при помощи электроакустического рекордера, который согласно своей частотной характеристике отделил значительную часть шумовых помех, оказался вполне удовлетворительным.

Полученная кимограмма была смонтирована с учетом необходимой синхронизации с соответствующими кинокадрами. Так, обнаружилось, какие кадры точно соответствуют основным фазам («ядрам») гласных, главным образом в безударных слогах, что было необходимо узнать для проверки статических рентгено снимков безударных гласных, давших в ряде случаев сомнительный результат.

С кинорентгенограмм сделаны копии — чертежи такого же и увеличенного размера; весь этот материал вместе с монтажом кинограммы помещен в специальном альбоме.

При помощи наложения чертежей, отражающих отдельные фазы звуков речи, получены сопоставления некоторых специфических черт диалектного вокализма, в частности сопоставлялся характер предударных гласных при аканье литературного типа и при аканье с гласным более закрытого характера, в котором сказывается севернорусский диалектный субстрат. Наложение чертежей отдельных фаз гласных показало последовательность ступеней их артикулирования, неодинаковую по говорам.

7) Фонограммы разного содержания, которые в каком-либо отношении не подходят к перечисленным выше шести направлениям. Отметим из них следующие:

а) Звукозапись мемориального характера, которая одновременно может иметь методическое и научно-познавательное значение: беседа проф. Р. И. Аванесова с диктором (информантом) во время экспедиции 1949 г. в д. Новоселки Рыбновского р-на Рязанской обл. Это был первый выезд в деревню для изучения говора с применением магнитофонной записи.

Здесь представлен метод прямого опроса носителя говора с целью получить сведения о произношении определенных слов, чтобы выяснить ряд проблем фонологического содержания, и в частности узнать, как противопоставляются в говоре слоги с фонемами *e* и *ê* под ударением. В диалектологической практике такой тип беседы

допускается только при хорошо налаженном контакте с информантом, обладающим к тому же «чутьем языка».

б) Оригинальная запись южнорусского говора потомков донских казаков, эмигрировавших в начале XVIII в., после Булавинского восстания, в Турцию. После репатриации в 1962 г. носители этого говора, владеющие также турецким языком, поселились в Ставропольском крае. При сохранении ярких диалектных особенностей, данный говор в настоящее время не обнаруживает конкретных связей с территорией донских говоров, поскольку комплекс сходных языковых черт сейчас наблюдается не только на Дону, но и в говорах юго-западных русских областей.

В фонограмме дан также образец турецкого языка в произношении тех же дикторов.

в) Обширный комплект фонограмм, в которых зафиксировано чтение культовых текстов и соответствующее пение с соблюдением правил церковнославянской орфоэпии и певческой просодии (с «хомонией») средневекового образца, что в настоящее время сохраняется только в наиболее консервативных старообрядческих группах (в частности, у беспоповцев филипповского согласия).

Диктор, начётчица московского Преображенского кладбища, читает также текст известной методической статьи о правилах книжного произношения, помещенной в «Учительной псалтыри» издания 1654 г., и рассказывает о методах обучения детей грамоте, принятых в старообрядческих кругах «в прежнее время».

г) Звукозапись произношения студентов Государственного института театрального искусства, осваивающих русскую орфоэпию.

Часть дикторов, русских по происхождению, в различной мере обнаруживает диалектную основу своей речи; дикторы — студенты национальных студий (чуваши, азербайджанцы и др.) представляют все ступени преодоления навыков родного языка.

д) Звукозапись произношения студентов того же института и артистов некоторых театров, преследующих противоположные цели, а именно — освоение диалектной речи определенного типа, что бывает необходимо для создания речевого компонента художественного образа при работе над ролью.

Фонограммы этого рода получены в процессе соответствующих занятий, проведенных лабораторией.

Названные выше направления подбора материалов для фонотеки впоследствии могут послужить основой для создания специальной картотеки тематического характера. Это даст возможность отразить отдельные фонограммы сразу в нескольких рубриках-направлениях, что будет зависеть от содержания и значения самих звукозаписей. Изменение рубрик картотеки на расстановку звукозаписей в фонотеке не повлияет, поскольку каждая фонограмма имеет в ней свое закрепленное место.

Хотя фонотека лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР находится еще в состоянии организации, она уже достаточно широко используется сотрудниками институтов АН СССР и других учреждений как богатое собрание материалов для выполнения разнообразных научно-исследовательских и учебных задач.